

Репортеру из «светской хроники» какой-то газеты Леонтьев сказал сразу: «Это не ко мне. Я человек серый, незаметный, обыкновенный», но, не сумев отбить атаку, все же стал отвечать на порядком, наверное, поднадоевшие вопросы о любимом сорте вина и сигарет, хобби, очень спокойно объясняя, что человек в жизни и человек на сцене не всегда друг на друга похожи. «Серый и незаметный» Валерий Леонтьев на сцене — символ неожиданности и непредсказуемости. Его появление на экране вызывает на следующий день такие бурные обсуждения, которые не светят даже самому популярному мексиканскому киношедевру. Для одних его выступление — это повод поразглагольствовать с высоты своих амбиций о дурновкусии на эстраде, для других — потолковать о мельчайших подробностях его сценических костюмов. Кто-то видит в нем только фейерверк, блестяще отработанный «дэнсинг», не замечая за внешними атрибутами и видимой легкостью огромного таланта трагического актера.

— Валерий, а вас самого не тяготит ваш имидж быстрого, энергичного, суперсовременного и супермодного человека?

— Не тяготит, но порой раздражает. Иногда мне хочется оказаться совсем другим артистом: попеть шансон, или лирику, или песни Карибского моря. Я сам не знаю, чего я хочу...

— Каждая новая перемена вашего имиджа воспринимается как сенсация, как «новое пришествие» Леонтьева. Если не секрет, каким будет ваше следующее пришествие и в какой программе?

— Недавно я сделал эротическое шоу «Полнолуние». На его подготовку было затрачено столько нервной и физической энергии, что просто так один раз показать его и забросить было бы непозволительным расточительством. Так что с «Полнолунием» я собираюсь работать еще довольно долго, но в рамках этого шоу будут появляться новые номера и новые песни. Каким я выйду в следующий раз, пока не знаю, но в моем внешнем облике и в состоянии вообще появится нечто новое, что позволит провести границу между тем, что было и тем, что будет.

— А идея создания эротического шоу — это дань моде?

— Песня «Казанова» — это про вас? Вы Казанова по жизни?

— У меня такое ощущение, что Казанова был несколько патологическим типом. Для меня такое поведение не характерно.

— Я человек постоянных симпатий и привязанностей.

— При всей вашей не любви к личным темам вопрос о ваших симпатиях обойти нельзя. Какие женщины вас привлекают?

— Это ощущение с годами меняется. Скажем, двадцать лет назад это был тип убийственной брюнетки, как Софи Лорен или Лиз Тейлор. Впоследствии — Катрин Денев, мягкая, интеллигентная женщина с большой внутренней силой. Сейчас это взбалмошная, непредсказуемая Ким Бессинджер. А когда мне было тринадцать лет, я был влюблен в Настю Вертинскую, потому что тогда появился фильм «Человек-амфибия».

— Впоследствии вы объяснились ей в любви?

— Я и по сей день с ней незнаком, судьба не столкнула.

— А кто та женщина, о которой вы говорите? Есть какой-то образ?

— Есть, конечно, это же не груша боксерская. Образы появляются и исчезают в зависимости от настроения. Сегодня это реальное лицо, а завтра — что-то нарисованное.

— Говорят, вы собираете антиквариат?

— Это неправда. У меня нет ни одной дорогой вещи: ни картины, ни статуэтки. Что-то, что мне нравится, покупаю. Но, как правило, это современные вещи. С удовольствием приобретаю книги.

— Кстати, что вы читаете?

— На первый взгляд может показаться, что у меня в этом отношении полная бессистемность, неразбериха. А, может быть, и на второй взгляд так оно и есть. Я читаю абсолютно разные вещи: от детективов Чейза в поездах и самолетах до серьезных художников, как Марсель Пруст, Маркес. Сейчас это американский фантаст Гарри Гаррисон. Газеты и журналы не читаю. Иногда смотрю телевизор, чтобы держаться в курсе происходящих событий. Удовольствия от торчания перед экраном не получаю.

— Какие-то политические пристрастия у вас есть?

— Абсолютно никаких. Я не люблю профессию политика. Это последнее, чем я стал бы заниматься.

Валерий ЛЕОНТЬЕВ:

«Не боюсь одиночества»

Вет. Москва - 1994 - 2 авг. - с. 7.

ОДИНОЧЕСТВА»

— Вряд ли. Эротика в жизни человека занимает достаточно большое эмоциональное пространство. Другое дело, что сейчас такое время, когда об этом можно говорить. Была бы такая возможность в восьмидесятые годы, я бы сделал эротическое шоу тогда. А что касается «Полнолуния», то, замену, в плане эротики я обошелся весьма и весьма скромными выразительными средствами, и в новой октябрьской программе собираюсь выступить посмелее.

— Несколько лет назад вы с композитором Лорой Квинт сделали музыкальный спектакль «Джордано». На успех этой оперы жаловаться, вроде бы, грешно, но почему-то после этого ваши пути с Лорой Квинт разошлись...

— Любимый творческий союз либо исчерпывает себя, либо требует длительного перерыва. Когда вместе сделано уже очень много, ловишь себя на ощущении, что топчешься на месте, буксуешь. Нужно время, чтобы измениться самому и чтобы изменился твой компаньон по творчеству. Случается, что люди встречаются вновь и снова делают интересные вещи. Случается, что они не встречаются никогда...

— То есть желания восстановить «Джордано» у вас нет?

— Пережеванное не вкусно... Эта опера не могла просуществовать долго, потому что семьдесят артистов, занятых в ней, хотели кушать. Это было как раз в то время, когда все эстрадные певцы бросились зарабатывать деньги, потому что появилась такая возможность, а я, как идиот, сел на репетиционный период... Материально опера себя не окупала, учитывая существовавшие тогда билетные цены. В итоге все разбежались кто куда. Но все равно опыт этого спектакля мне очень интересен, потому что мне впервые предоставилась возможность сыграть героя, и не одного, а целых трех.

— За вами как-то раньше не было замечено особой тяги к участию в салонных программах, и вдруг вы появляетесь в программе «Алла Пугачева приглашает друзей». С чем это связано?

— Ну, во-первых, Алла пригласила. Во-вторых, меня пленило то, что в этой передаче мне не надо было петь... Кроме того, впервые после двенадцатилетнего перерыва мы появились вместе. Мне это было приятно.

— А как же слухи о том, что долгие годы вы с Пугачевой находились в состоянии конфронтации?

— Это неправда. Мы не целовались на людях и не ходили вместе по зланным местам, но это не значит, что мы терпеть друг друга не могли.

— В творческой тусовке у вас есть сейчас такой союзник, каким был Игорь Тальков?

— Да, сегодня этот человек — Алексей Гарнизов. Из 22 песен в «Полнолунии» тринадцать написаны им. Я ведь вообще люблю работать с авторами «крупным помолом», чтобы сестра и надолго.

— Но это все — наша эстрада. А как вы себя чувствовали среди звезд в Монте-Карло на вручении Международной музыкальной премии?

— Сначала неловко, а потом как-то очень быстро «обстукался», познакомился с Клиффом Ричардом, Ринго Старром. Постепенно появилось ощущение комфорта. Ну и, конечно, чувствовал себя объятным трепетом, топча одну и ту же сцену со «звездами», которых слушал и юным подражал еще в юности...

— А какого-то неприятия с их стороны не было?

— Ни в коей мере. К счастью, это культурные, глубоко интеллигентные и воспитанные люди.

— Вы когда-то говорили, что хотели бы сыграть в кино человека неустроенного, борющегося с собой и с обстоятельствами. Это от желания сыграть себя самого или, наоборот, перевоплотиться в своего антипода?

— Просто по моему внутреннему состоянию мне это ближе, чем резвиться в какой-то комедии. Да и вообще такой материал для актера — всегда благодать. Человек, исполненный конфликтов, раздражаемый противоречиями, гораздо интереснее гладкой уравновешенной натуры — скучной и хмурой или, наоборот, веселой.

— А вы — уравновешенная натура?

— Думаю, что нет. Но стараюсь держать под контролем свои эмоции, представления о жизни, никому их не навязываю и не вхожу в конфликты. Если меня почему-либо не устраивает

общение с каким-то человеком, я просто тихо прекращаю с ним общаться. Скандалов избегаю. Не создаю их, не провоцирую и не планирую.

— Что способно вывести вас из себя?

— Тупость, ограниченность, нежелание знать и узнавать, чему-то учиться. И еще такие вещи, как исключительное самомнение и амбиции.

— Вы верите в переселение душ. А кем вы себя больше ощущаете — человеком Востока — созерцателем или человеком Запада — деятельным?

— По поводу переселения душ я не могу сказать: верю, верю, верую. Мне бы хотелось, чтобы это было так. Потому что если все-таки не так, если сегодняшняя наша форма существования — единственное, что нам дано, то это слишком расточительно и глупо по отношению к природе к человеку. Ведь «венец творения» в историческом масштабе живет просто какие-то мгновения, к тому же до тридцати лет ума нет, а после пятидесяти болячки в голове появляются. Поэтому мне бы хотелось верить, что существуют другие воплощения. Кем я себя ощущаю? В прошлых жизнях я чувствую себя то ли на юге Западной Европы, то ли на Востоке. Так что все-таки созерцателем.

— А у большинства публики вы, наверняка, ассоциируетесь с деятельным человеком Запада...

— Очевидно, потому, что я работаю. Если я не буду работать, меня не будет.

— Вы можете себя назвать гармоничной личностью?

— Я не беру на себя риск сказать: «Вы знаете, я такая гармоничная личность, во мне все так ладно устроено, существует такой замечательный баланс между мной и реальностью. Нет, ни в коем случае».

— Как вы оцениваете собственную внешность?

— Чаще она заставляет меня морщиться. Я не Нарцисс. От себя не тащусь.

— А если бы по маговому волшебной палочке вы могли бы изменить себя...

— ... Я стал бы выше, пожалуй. Изменил бы, наверное, черты лица. В об-

— Какая сторона вашей профессии привлекает вас больше: сам процесс творчества или ощущение некоторой власти над людьми?

— И то, и другое. Я очень люблю репетиции, потому что они лишены нервозности и ответственности. А на концерте возникает ощущение могущества в хорошем смысле этого слова. Я навязываю людям свои правила игры, свое настроение, и они это принимают независимо от своего желания. Такая власть меня привлекает, но это не распространяется дальше сцены: за кулисами я своей известностью не пользуюсь.

— Во время концерта вам не страшно «выходить в народ»?

— Я никогда этого не боялся. Я иду к людям с таким теплым чувством и доверием, что даже не могу себе представить, что в ответ может произойти что-то плохое. Никогда и не происходило.

— А в жизни можете себе позволить появиться без сопровождения?

— Вот недавно был в ГУМе. Захотелось походить по большому магазину, посмотреть, что там делается. Разумеется, я не ставил себе целью, чтобы меня узнали.

— Маскировались?

— Убрал волосы, надел кепку, очки, поднял воротник — помогло.

— Наверняка имеются телохранители...

— Учитывая то, что это сообщение появится в прессе, мне следовало бы сказать, что у меня их штук восемнадцать. Что бы знали. Но на самом деле людей, которые отвечали бы за сохранность моего тела, у меня нет. Одно время я пробовал что-то делать в этом отношении, но вскоре понял, что никто не хочет меня обидеть, на меня напасть. А люди, которым это надо, делают это серьезно, и никакие телохранители тут не помогут.

— Вокруг вас есть такие люди, о которых вы можете сказать: «Они будут со мной всегда»?

— Нет. Лет десять-двадцать назад я бы мог это сказать. Пожив, я думаю, что согрешу, утверждая это. Всегда существует какой-то процент, на который осторожничаешь и не веришь, что тот или иной человек будет с тобой навсегда, чтобы ни случилось. Да и не надо на это надеяться.

— Одиночества через двадцать-тридцать лет не боитесь?

— Не боюсь, потому что это мое любимое состояние.

— Вам приходится заниматься решением каких-то бытовых проблем?

— Приходится, но какой-то мелкой работой по дому я себя не обременяю. Бывает, траву надо покосить, — кошу, и с большим удовольствием. Дорожки зимой чищу...

— А ваучер куда дели?

— Лежит дома в ящике стола. До сих пор не понимаю смысла этой затеи.

— Если не секрет, кто из сильных мира сегодня помог вам и кому, став «звездой», помогаете вы?

— Мне не помогал никто, кроме авторов песен — Паулса, Тухманова. Кому помогаю я? Приходит после концерта очень больной человек и с трудом выговаривает фразу, смысл которой: помоги, дай денег. Даю. Из больницы в Кургане прооперированный мальчик с бабушкой не могут добраться домой, на Украину. Просят денег. Даю.

— Представим себе ситуацию, возможную сейчас разве что в страшном сне: ушла популярность, успех, признание. Вы бы, как Марлен Дитрих, заперлись дома и тихо дожили бы свой век или все-таки предпринимали бы попытки вернуть прежнее положение?

— Какие-то попытки предпринимал бы, наверное. Но если теоретически мы берем ситуацию, когда ничего уже сделать нельзя, то я стал бы искать себя в чем-то другом. Хотелось надеяться, что это могла бы быть литература. Смешной юношеский опыт в этой области у меня уже есть.

— Мемуары бы стали писать?

— Я не думаю, что это были бы мемуары в однозначном смысле этого слова. Но книгу о людях нашей профессии мне бы хотелось написать. Мне кажется, что даже сегодня, оглядевшись, отдышавшись, я что-нибудь бы сочинил. Но это, если бы у меня не было гнета забот и обязанностей, связанных с моей работой. А она пока что отнимает у меня большую часть жизни...

